Роль чаяновских идей в современном крестьяноведении и в искусстве сельского хозяйства

Я.Д. ван дер Плуг

Ян Дауве ван дер Плуг, профессор Университета Вагенингена (Нидерланды) Droevendaalsesteeg 4, 6708 PB Wageningen и Китайского сельскохозяйственного университета в Пекине. E-mail: jandouwe.vanderploeg@wur.nl

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, пр-т. Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Статья представляет собой сокращенный перевод книги Яна Дауве ван дер Плуга «Крестьянство и искусство сельского хозяйства: Чаяновский манифест» — второй работы в серии, созданной Сатурнино (Джуном) Боррасом, «маленьких книг о больших идеях» в сфере аграрных преобразований. Автор раскрывает особенности структуры и динамики крестьянского хозяйства, показывает его исторически изменчивые характеристики, определяющие трудовые, производственные и социальные процессы и отношения. Ван дер Плуг считает, что крестьянское хозяйство может играть важную, если не центральную, роль в росте производства продовольствия и в обеспечении устойчивого сельского развития, однако крестьяне сегодня, как и в прошлом, незаслуженно игнорируются. Отталкиваясь от идей Александра Васильевича Чаянова, автор стремится объяснить причины этого игнорирования и показать, сколь важную роль крестьяне играют в нынешней борьбе за продовольствие, продовольственную стабильность и продовольственный суверенитет. Для достижения этой цели автор исследует нынешнее значение двух основных балансов в теории Чаянова — трудопотребительского и баланса полезности и тяжелой работы, а также целый ряд других взаимодействующих балансов (человека и живой природы, производства и воспроизводства, внутренних и внешних ресурсов, масштаба и интенсивности и др.), отмечая их социальное, экономическое и политическое значение в прошлом и настоящем. Автор оценивает позиции крестьянского хозяйства в широком социальном контексте, акцентируя внимание на отношениях крестьян с государством и на балансе аграрного развития и демографического роста. Завершает статью обзор разных моделей и механизмов повышения производительности и интенсификации труда, выбор которых определяет доминирующий дискурс (приоритеты государства, отраженные в аграрных программах и реформах, позиция аграрных наук в вопросе проектирования будущего сельского хозяйства и оценке роли крестьянства). Дается краткая характеристика нынешних тенденций реокрестьянивания в Европе.

Ключевые слова: крестьянство, крестьянское хозяйство, Чаянов, взаимодействующие балансы, аграрные науки, аграрный вопрос, реокрестьянивание, интенсификация

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-3-6-27

Как только речь заходит о крестьянстве, радикальные левые разбиваются на два лагеря. Этот водораздел сохраняется до сих пор, несмотря на очевидное сокращение разрыва в политических дебатах, научных спорах, новых общественных движениях и самой социально-материальной действительности. Вернее, разрыв не столько сокращается, сколько становится менее актуальным. Прежние противоречия сглаживаются, и мы повсеместно наблюдаем новые тенденции развития, которые определенно выходят за рамки прежних споров.

Первоначально глубокий идеологический раскол сформировали противоречия в трактовке нескольких вопросов. Главный из них касался классовой позиции крестьянства и имел очевидные практические следствия. Споры велись и по поводу устойчивости крестьянских форм (или «способов») производства, того, кто осуществляет социалистический переход, следует ли рассматривать крестьянское хозяйство как нечто, требующее сохранения или, наоборот, преобразований, является ли крестьянское хозяйство перспективным с точки зрения обеспечения общества продовольствием и значимого вклада в его развитие в целом и т. д.

По структуре крестьянское хозяйство не капиталистическое предприятие, оно не основано на отношениях труда и капитала. Труд здесь не является наемным, а капитал — капиталистическим в марксистском смысле (это не тот капитал, который необходим для производства прибавочной стоимости и ее последующего инвестирования в производство еще большей прибавочной стоимости). В крестьянском хозяйстве «капитал» — это доступный инвентарь, скот и накопления. Этот «капитал» не является «стоимостью, которая производит прибавочную стоимость» (Kautsky, 1974: 65). Отсутствие отношений труда и капитала превращает конкретную единицу сельскохозяйственного производства в крестьянское хозяйство. И это принципиальный и определяющий аспект чаяновского подхода.

Особая внутренняя структура крестьянского хозяйства означает, что часто оно функционирует способом, решительно отличающимся от капиталистических сельскохозяйственных предприятий. «Крестьянское хозяйство продолжает производить, когда капиталистические предприятия прекращают» (Chayanov, 1966: 89). «В условиях, когда капиталистические хозяйства банкротятся, крестьянские семьи могут увеличить часы работы, продавать по сниженным ценам, не получать никакой прибыли и продолжать сельскохозяйственную деятельность год за годом. По этим причинам Чаянов пришел к выводу, что конкурентная сила крестьянской семьи по сравнению с крупными капиталистическими хозяйствами намного больше, чем предсказывали работы Маркса, Каутского, Ленина и их последователей» (Thorner, 1966: xviii).

Крестьянское сельское хозяйство — часть капиталистической системы, но очень непростая часть. Оно порождает расколы и противоречия, оно — колыбель сопротивления, которое создает альтернативы, постоянно критикуя доминирующие модели. Оно проникает туда, где не могут существовать капиталистические хозяйства. Крестьянское хозяйство «анаэробно» (Paz, 2006): оно может выжить без кислорода прибыли, в котором остро нуждается корпоративное сельское хозяйство. Будучи частью капитализма, оно создает непростые хозяйства, куда через «чаяновские балансы» все же проникают капиталистические противоречия, вследствие чего внутри крестьянской семьи и крестьянства в целом возникают конфликты.

Все это означает, что можно не только сочетать политэкономический анализ и чаяновский подход (первый — для изучения социального контекста и его влияния на крестьянское хозяйство; второй — для понимания сути этого влияния и формирования ответных реакций), но и просто необходимо это делать. Цель не в том, чтобы обнаружить всевозможные различия и предполагаемую несовместимость двух моделей, а в том, чтобы объединить их в одно мощное теоретическое оружие.

Два основных баланса в теории Чаянова

Чаяновский анализ начинается с простой, но мощной отправной точки: крестьянское хозяйство (за некоторыми исключениями) опирается не на наемный труд. Труд здесь мобилизуется не через рынок — это семейный труд: в крестьянском хозяйстве работает крестьянская семья. Хотя это утверждение кажется простым и само собой разумеющимся, оно имеет далеко идущие следствия. Поскольку здесь не выплачивается заработная плата, нельзя посчитать прибыль. Соответственно, принципы организации и управления капиталистической экономикой (скажем, максимизация прибыли и сокращение расходов, что часто обеспечивается снижением затрат на оплату труда) не применимы к крестьянскому хозяйству. Его динамика диктуется поиском внутренних балансов, которые основаны на совершенно иных принципах. В отличие от капиталистического предприятия, процесс производства в крестьянском хозяйстве не определяется логикой отношений наемного труда и капитала. Если бы целью крестьян была только прибыль, они бы продали свою землю. Однако они, наоборот, держатся за нее, работая на ней или оставляя под парами, порождая тем самым ряд неожиданных и часто контрпродуктивных макропоследствий. Трудовой процесс, использование патримониального капитала и особенно взаимодействия между ним и трудом не регулируются общими отношениями труда и капитала.

Подобные отношения могут оказывать влияние, но это не непосредственное воздействие или изменение («детерминация»). Разви-

тие производственного процесса в крестьянском хозяйстве может прямо противоречить логике отношений труда и капитала и идти против ограниченной рациональности тех сфер жизни, в которые подобные отношения встроены (рынки труда, капитала и продовольствия). Внутренние механизмы крестьянских и капиталистических хозяйств различны, поэтому капиталистическое предприятие в основном имеет большие размеры и постоянно стремится к расширению, а крестьянские хозяйства преимущественно малы (их историческое происхождение и/или тяжелая маргинализация также могли сыграть свою роль). Внутренние механизмы крестьянского хозяйства и связанные с ними сценарии сопротивления и развития укоренены в двух балансах — трудопотребительском и тяжелой работы/полезности.

Согласно Чаянову, живое сердце крестьянской производственной единицы — трудопотребительский баланс, т. е. соотношение между потребностями семьи и ее рабочей силой. «Для нас крестьянская семья является первичным и исходным элементом сельскохозяйственной единицы, потребителем, на чьи запросы эта единица должна отвечать, и рабочей машиной, за счет сил которой эта единица создается» (Chayanov, 1966: 128). В рамках данного баланса слово «труд» обозначает наличную семейную рабочую силу (рабочие руки), а «потребление» — едоков, которых нужно кормить. В более узком смысле труд обозначает производство продовольствия, а потребление — поедание произведенных продуктов. В более общем смысле баланс имеет отношение к объему производства (включая продукты, которые продаются на рынке), а потребление должно удовлетворять потребности семьи, многие из которых — только с помощью рынка (оплатив деньгами, заработанными за счет производства). В современном мире (как и в прошлом) воспроизводство семьи и хозяйства невозможно без обращения к рынку, в стороне от товарооборота. Однако семьи и хозяйства могут включаться в товарные цепи разными способами.

Труд и потребление — несоизмеримые сущности, но они должны быть приведены в равновесие, потому что одно предполагает другое и наоборот. Без потребления не было бы труда, а труд не имел бы смысла, если бы не было потребления. Однако между трудом и потреблением не существует простой линейной зависимости, они не связаны только отношением взаимообмена. Труд и потребление должны быть объединены в динамическом равновесии, которое, в свою очередь, регулирует множество конкретных характеристик хозяйства. В российской истории это было особенно заметно в размере посевных площадей, обрабатываемых каждой крестьянской семьей: «крестьянское хозяйство в течение десятилетий <...> постоянно меняет свой объем, следуя этапам семейного развития, а его элементы отображаются на пульсирующей кривой» (Chayanov, 1966: 69). Чем больше «ртов» нужно прокормить за счет имеющихся «рук», тем больше площадь обрабатываемой земли. В условиях

дефицита земли изменение соотношения едок/работник влекло интенсификацию или расширение ремесленных, промысловых и иных несельскохозяйственных доходов.

Теоретико-методологическая актуальность концепции трудопотребительского баланса в качестве производственной машины семейного хозяйства объясняется тем, что она демонстрирует невозможность трактовки ни хозяйства как такового, ни его деятельности и развития как производных от внешних отношений и условий любого рода. Крестьянское хозяйство сорганизовано, согласно оценке необходимых балансов и регулировке состояния и динамики хозяйства, таким образом, чтобы максимально приблизить его к равновесному состоянию. Внешние отношения и тенденции воспринимаются и активно воплощаются во внутрихозяйственных практиках. В современной терминологии крестьянское хозяйство — это отлаженная сеть акторов, искусно объединяющих землю, растения, крупный рогатый скот, навоз, семена, постройки, труд, ремесла, знания, технику, социальные сети (иногда лесные участки, сады с лекарственными травами, агротуристическую инфраструктуру или фермерские магазины). Это активно конструируемый ответ на внешние возможности и угрозы, касающийся не только способа управления хозяйством, но и способов его расширения.

Второй баланс, рассматриваемый Чаяновым, — полезности и тяжелой работы. Это два несоизмеримых феномена, которые должны быть приведены в равновесие для успешного функционирования крестьянского хозяйства. Тяжелый труд — это дополнительные усилия, необходимые для увеличения общего объема производства (или дохода). Тяжелая работа ассоциируется с трудностями, длинным рабочим днем под палящим солнцем (и мечтой о стакане холодного пива), подъемами до рассвета и работой на морозе и под проливным дождем. Сельскохозяйственный труд может восприниматься как радость и осмысленная деятельность, но всегда предполагает физические нагрузки, и если объем работ возрастает, то напряженный характер труда ощущается сильнее. Собственно все это и пытается передать понятие «тяжелая работа». Полезность — противовес тяжелой работы — дополнительные выгоды (любого рода), обеспечиваемые за счет роста производительности. Главная идея состоит в том, что крестьянская семья стремится соблюсти баланс между этими двумя понятиями.

В целом рост производительности предполагает увеличение тяжелой работы и уменьшение полезности. Однако «было бы наивно рассматривать их связь как однонаправленную зависимость». Напротив, «перед нами две взаимосвязанные группы явлений, которые образуют единую систему, устанавливая равновесные отношения между компонентами обеих групп» (Chayanov, 1966: 198). Крестьянин, «вынужденный работать ради потребностей своей семьи, вкладывает больше сил по мере возрастания давления этих

требований; <...> это ведет к росту благосостояния» (Chayanov, 1966: 79). Иными словами, когда количество едоков, приходящихся на одного работника, увеличивается, его производительность должна повышаться (он должен обрабатывать бóльшую площадь земли, улучшать качество ресурсов и/или создавать больше средств производства). Здесь и проявляется стратегический характер баланса полезности и тяжелой работы. «Энергия, прилагаемая работником в семейном хозяйстве, стимулируется потребительскими запросами семьи», с другой стороны, «затраты энергии сдерживаются тяжелым характером труда» (Chayanov, 1966: 81).

На первый взгляд трудопотребительский баланс и баланс тяжелой работы и полезности кажутся идентичными (особенно если приравнять тяжелую работу к труду, а полезность к потреблению). Хотя два баланса связаны, они не идентичны. Трудопотребительский баланс относится к уровню домохозяйства — оценивает количество едоков с точки зрения числа работников. Баланс тяжелой работы и полезности имеет отношение к отдельному работнику (особенно к главе домохозяйства): «чем большее количество работы делается человеком в какой-нибудь определенный период времени, тем более и более тягостны для человека последние (предельные) единицы затрачиваемого труда» (Chayanov, 1966: 81).

Различие двух балансов имеет стратегический характер, потому что объясняет, как можно расширить производство крестьянского хозяйства и увеличить благосостояние крестьянской семьи. Взваливая на себя больше обязанностей (работая тяжелее), отдельный работник (или работники) может способствовать накоплению капитала, что, в свою очередь, обеспечит более высокий уровень производства с наличной рабочей силой (возрастет чистая выработка в расчете на работника). В дальнейшем это позволит удовлетворить возрастающие потребительские запросы семьи.

Оценка разных балансов и их влияния на организационный план крестьянского хозяйства субъективна в том смысле, что является результатом стратегических рассуждений и «экономических расчетов» (Chayanov, 1966: 86) главы крестьянской семьи. Однако эта оценка носит и объективный характер, поскольку все рассуждения учитывают и во многом отражают объективные реалии жизни крестьянской семьи (наличная земля, рабочая сила, потребительские потребности, необходимость накопления капитала и т. д.) и структурные параметры социальной ситуации (состояние рынка, возможность заниматься ремеслами и промыслами, уровень цен, влияние городской культуры). Субъективность не предполагает капризов и/или отрыва от объективных реалий, напротив, она принимает во внимание эти реалии, которые часто неблагоприятны. Суть в том, что объективные реалии не оказывают на крестьянское хозяйство автоматическое воздействие, а влияют на него через активное наблюдение фермера, который интерпретирует их и переводит в соответствующий курс действий. Все это осуществляют

акторы «из низов», которые обладают «способностью перерабатывать социальный опыт и предлагать способы справиться с разными жизненными ситуациями даже под воздействием крайних форм принуждения. В условиях недостатка информации, неопределенности и других ограничений (физических, нормативных или политико-экономических) социальные акторы обладают необходимыми знаниями и способностями» (Long, 1992: 22–23).

Разнообразие взаимодействующих балансов

Достижение верного баланса социального/природного — предмет постоянной заботы во всех сельскохозяйственных практиках: иногда они отходят от живой природы, а иногда вновь основываются на ее принципах. Так, модернизация и «зеленая революция» представляют собой принципиальный отход сельского хозяйства от сопроизводства человека и живой природы. Химические удобрения заняли место биологии почв, навоза и знаний крестьян; промышленные концентраты заменили луга, пастбища, траву и сено. Естественное спаривание исчезло, а искусственное осеменение (позже — подсадка эмбрионов и компьютерный отбор лучшего производителя) заняли его позиции. Электрическое освещение заменило солнечный свет в садоводстве, в курятниках в 24-часовой период оказались втиснуты две ночи и два дня, чтобы ускорить рост птицы. Все это указывает на сокращение роли природы, особенно если принять во внимание генетические модификации.

Однако существуют и противоположные тенденции. Можно привести в качестве примера органическое сельское хозяйство, его экономный стиль и агроэкологические движения. Все они предлагают далеко идущую перестройку сельского хозяйства для его возвращения к сопроизводству, вновь отводят живой природе центральную и соорганизующую роль. Эти контрдвижения помогают сделать сельское хозяйство более «крестьянским» и стремятся переориентировать значительную часть агрономии на «общественный» лад, предложенный Чаяновым.

Сельское хозяйство не сводится к добывающему процессу (хотя неблагоприятные условия могут подтолкнуть его в этом направлении). Сельскохозяйственная деятельность предполагает и производство, и воспроизводство. В его основе лежит постоянное воспроизводство используемых ресурсов, которое затрагивает не только «живую природу», но все ресурсы и элементы, необходимые для нормального функционирования хозяйства. Историческое развитие баланса производства и воспроизводства подробно рассмотрено А. Лакруа (Lacroix, 1981). Первоначально окружающая экосистема использовалась для обновления ресурсов. Подсечно-огневое земледелие — типичный тому пример: когда ресурсы почвы исчерпаны, поля забрасывают и заимствуют у природы новое поле. Объекты

труда и инструменты берутся из окружающей экосистемы, а рабочая сила обладает знаниями о том, как экосистему использовать в качестве ресурса. В следующий исторический период воспроизводство смещается в само хозяйство: поля активно удобряются, ведется селекция растений, улучшаются породы скота и создаются новые поля, животные и культуры становятся гордыми символами относительной автономии, которая позволяет крестьянам преодолевать жесткие ограничения местных экосистем. В третий, современный период, воспроизводство вновь покинуло крестьянское хозяйство и ушло вовне, в агропромышленность, которая во все возрастающих объемах производит объекты труда, инструменты и инструкции для рабочей силы (Benvenuti, 1982; Benvenuti et al., 1988). В новой воспроизводственной модели уже не крестьянское сообщество встраивает свой «код» (технические условия) в объекты и инструменты труда (как это происходило во втором периоде), а агропромышленность воплощает научно разработанные спецификации в артефактах, необходимых в хозяйстве.

Наряду с ресурсами, которые производятся и воспроизводятся в хозяйстве (внутренние), крестьянское хозяйство, независимо от местонахождения, нуждается во внешних ресурсах — невозможно представить, как оно сможет функционировать без них. Однако характер этих ресурсов, их происхождение и способ приобретения могут иметь далеко идущие последствия. Многие ресурсы обладают поразительной взаимозаменяемостью своих внешних и внутренних видов. Так, коровы могут воспроизводиться в самом хозяйстве (отдельные телята выращиваются в телок, которые после первого отела могут заменить старых молочных коров), а могут покупаться на рынке. Использование внешних ресурсов предоставляет новые возможности, но часто влечет и деформирующие последствия, что означает необходимость неоднократно определять и конструировать продуманный баланс внутренних и внешних ресурсов. Опора на внешние ресурсы может значительно сократить тяжесть труда крестьянской семьи, однако хозяйство, которое в высшей степени зависит от сырьевых рынков, потенциально может быть поглощено ими. Расчет правильного баланса помогает обеспечивать относительную автономию — это состояние, позволяющее придерживаться тех стилей хозяйствования, что соответствуют интересам и перспективам крестьянских семей.

Оценивая влияние баланса автономии и зависимости, следует принимать во внимание «социальные институты, которые окружают производство и распределение богатства» (Little, 1989: 118). Хотя сельскохозяйственная экономика является «организованной системой социальных отношений и независимого принятия решений» (Little, 1989: 117), через отношения зависимости, в которые она встроена, она подвергается изъятию излишков. Традиционная аграрная экономика производила внушительный по объему прибавочный продукт, и сельские элиты эффективно отбирали излишки

у крестьян и ремесленников. «Механизмы отъема излишков различались — рента, проценты, налоги и коррупционные практики, однако результат был одним и тем же: изъятие у непосредственных производителей и передача небольшому классу элиты около 25–30% сельскохозяйственной продукции» (Lippit, 1987: 120). Это порождало постоянный застой: у крестьян не хватало средств для инвестиций и, соответственно, развития хозяйства, тогда как сельские элиты растрачивали изъятые излишки на потребление предметов роскоши.

Политэкономический анализ (включая классовый) вступает в действие, как только мы обращаемся к функционированию крестьянских производственных единиц в конкретном социально-историческом контексте. То же самое происходит, если мы начинаем с макроуровня, т. е. задавая вопрос, как конкретная политико-экономическая формация влияет на сельское развитие. Но тогда чаяновская трактовка крестьянского хозяйства должна быть включена в аналитическую модель, поскольку воздействие политико-экономической формации опосредуется производителями, которые пытаются рассчитать важные для своих производственных единиц балансы согласно навязываемым данной формацией параметрам. Можно охарактеризовать состояние крестьянства как постоянную борьбу за автономию и больший доход в условиях, которые принуждают его к зависимости и лишениям. Этот объективный контекст можно анализировать с помощью модели извлечения излишков, однако действия крестьян лучше объясняет чаяновский подход. Впрочем, в конкретном исследовании одно предполагает другое, т. е. свобода фермера состоит из двух компонентов: «свобода от» и «свобода для» — первую исследует политэкономический анализ, вторую — чаяновская модель.

В организации хозяйства существует еще один баланс, который требует оценки — баланс масштаб/интенсивность. Под масштабом понимается количество объектов труда (участков земли, животных и т. д.) в расчете на единицу рабочей силы; под интенсивностью — производительность в расчете на каждый объект труда. Проводя международные сравнения, Ю. Хаями и В. Руттан (Hayami, Ruttan, 1985) обнаружили два противоположных способа увеличения доходов в сельском хозяйстве: интенсификация и расширение масштабов (хотя, безусловно, возможны их комбинации и промежуточные позиции).

Интенсивность и масштаб определяют двумерное пространство, в котором можно распознать различные стили хозяйствования. Даже в районах со сходными экологическими, экономическими и институциональными условиями практически всегда можно обнаружить разные стили (или по-разному устроенные «аппараты» в терминологии Чаянова). Так, экономный стиль хозяйствования отличается небольшими масштабами и низкой интенсивностью. В данном стиле балансы обеспечиваются за счет того, что расходы

на внешние ресурсы минимизируются, а сопроизводству отводится приоритетная роль, что увеличивает автономию хозяйства. Финансовые затраты (связанные с ростом производства) также минимизируются, соответственно, общие расходы на ведение хозяйства низки, а трудовой доход высок (даже в относительном выражении), именно поэтому в кризисных условиях этот стиль крайне устойчив.

Главная цель интенсивного сельскохозяйственного производства — высокая производительность (типичный его символ — «хорошая корова»). В трудосберегающем стиле хозяйствования (его символ — «мощный трактор») задача состоит в том, чтобы максимально увеличить количество объектов труда и свести к минимуму трудовые затраты. Вместе эти два стиля порождают горячие споры об «обратном соотношении» размера хозяйства и производительности. Когда-то эта взаимосвязь действительно доминировала. Сегодня она все еще прослеживается, но не является единственно возможной. Помимо экономного стиля, возник другой — крупномасштабное интенсивное производство. Это сложное сочетание аграрной политики и технологического развития, с одной стороны, и стратегии сельскохозяйственного предпринимательства — с другой. Технологии проникают сюда в формате новых научных разработок (кабинки для конюшен, гольштинская порода, чувствительные к азоту сорта луговых растений и концентраты), которые в совокупности обусловливают технологически детерминированную интенсификацию производства, а она, в свою очередь, влечет расширение масштабов хозяйства. Влияние сельскохозяйственной политики состоит в том, что она стимулирует создание крупных хозяйств (посредством субсидий, реорганизации) и обеспечивает долгосрочные гарантии, устанавливая стабильные цены.

Активно создаваемое разнообразие (спрессованное в разные стили хозяйствования) постоянно взаимодействует с множеством изменений того контекста, в который встроено сельское хозяйство. Изменения влекут за собой разные результаты в хозяйствах, придерживающихся разных стилей. В итоге происходит отбор: некоторые стили лучше приспособлены к преодолению внешних изменений, другие не смогут их пережить, что порождает вариативность и возможность выбора.

Сегодня трудопотребительский баланс обретает совершенно иную форму, чем та, что была описана Чаяновым. Для русских крестьян в первые два десятилетия XX века потребительская сторона уравнения в основном (хотя не всегда) сводилась к потреблению продуктов питания, одежды и т. п., тогда как самообеспечение хозяйства считалось само собой разумеющимся, тем более что недостающие товары и услуги часто восполнялись благодаря социально регулируемым обменам. Хозяйство производило товары для рынка, но могло производить их и потому, что его насущные потребности удовлетворялись за счет самообеспечения. Сегодня потребление включает в себя множество элементов, ко-

торые не может обеспечить само хозяйство: образование, электричество, мобильность, средства связи, предметы роскоши и т. д. И деятельность нынешних хозяйств требует целого ряда компонентов (тракторы, энергия, насосы и т. д.), которые невозможно произвести в самом хозяйстве. «Рабочая машина» изменилась, и трудопотребительский баланс должен принимать во внимание более широкий список рынков. Иными словами, прямые отношения труда и потребления сокращаются, тогда как непрямые (сочетание нескольких рыночных транзакций) стали более важны. В результате потребности семьи и хозяйства должны быть приведены в соответствие (диалектическое) с комплексным набором разных, но взаимосвязанных рынков.

Отталкиваясь от рассмотренных балансов, можно представить синтетическую природу крестьянского хозяйства в том виде, в котором она существует и функционирует сегодня. Эта природа, во-первых, требует внимательного изучения взаимоотношений крестьянских хозяйств со своими предшественниками, поскольку здесь прослеживаются как преемственность, так и разрывы и обновления (отчасти вследствие резких изменений политико-экономического контекста). Во-вторых, синтетическая модель включает в себя одновременно Юг и Север: между крестьянами в разных частях мира не существует ни фундаментальных различий, ни внутреннего антагонизма. В-третьих, понятие синтеза применимо также к маргинальным хозяйствам и бедным семьям, а не только к высокопродуктивным хозяйствам и процветающим семьям, т. е. характеризует и реалии, и заключенные в них возможности.

Позиции крестьянского хозяйства в социальном контексте

Чаянов в явном виде не обсуждал и теоретически не исследовал внешние балансы, хотя в его работах можно обнаружить намеки на оценку их влияния. Например, встречаются указания на то, как крестьянское хозяйство может влиять на рынок труда (Chayanov, 1966: 240). Влияние государственной политики на крестьянство описано в разделе о соотношении горизонтальной и вертикальной кооперации (Chayanov, 1991). А работа «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (Chayanov/Kremnev, 1976) содержит провокационные высказывания об «оптимальном равновесии города и деревни» (Kerblay, 1966: xlvii): в утопии не существует крупных городов, речь идет об интенсификации сельского хозяйства и роли крестьянства, причем с пророческими предсказаниями (в 1920 году!) конца большевистской власти и установления прямой демократии.

Первый внешний баланс затрагивает взаимоотношения хозяйства и товарных рынков. Одни рынки демонстрируют долгосрочную тенденцию снижения цен; другие — «улучшение рыночной

ситуации» (Chayanov, 1966: 83, 105). Итальянские фермеры называют последнюю ситуацию *un mercato che tira* (рынок, который тянет). Речь идет о том, что рынок стимулирует фермеров производить больше и способствует накоплению капитала, поскольку цены на фермерскую продукцию выше, чем затраты на ее производство. Позитивные ожидания (что цены останутся на высоком уровне) поддерживают эту ситуацию. Совершенно иначе развиваются события, когда цены низки и ожидается их дальнейшее снижение — это неблагоприятная рыночная ситуация. Она не способствует сохранению или воспроизводству хозяйств, препятствует накоплению капитала и замораживает развитие хозяйств. Производителям приходится переживать такие времена, значительно снижая уровень жизни. Эта рыночная ситуация может быть результатом «городской предвзятости», глобальной зависимости или того давления, которое сегодня продовольственные империи оказывают на сельское хозяйство.

Рынки — не единственный механизм, связывающий сельское хозяйство и городскую экономику: миграция всегда была и продолжает оставаться в этом отношении крайне важной. Миграция принимает множество форм: это может быть односторонний отток населения из сельской местности в города или на стройки, заводы, в порты и в неформальный сектор экономики в других регионах. Обширные трущобы на периферии больших городов — почти неизбежное следствие этого процесса (Davis, 2006). Сельская бедность и/или военные действия на сельских территориях могут быть выталкивающим фактором, но относительно высокие заработные платы в городской экономике (Chayanov, 1966: 107) постоянно притягивают людей в городские центры. Крестьяне могут обогащать городскую экономику важными навыками, что случилось в Италии после Второй мировой войны, когда способность издольщиков создавать сетевые сообщества сформировала в городах процветающий сектор малых и средних предприятий, который стал сердцем итальянского «чуда» (Bagnasco, 1988).

Отрицательной стороной сельского исхода, независимо от его формы, являются экономический спад и запустение сельских территорий (Chayanov, 1966: 107–108). Таких негативных последствий можно избежать, если миграция носит циклический характер (хотя тогда возможны другие негативные последствия). Циклическая миграция характеризуется тем, что молодежь покидает деревню, пробует городскую жизнь, зарабатывает и копит деньги (обычно после обручения или замужества). Рано или поздно мигранты возвращаются в свои деревни и вкладывают накопления в сельское хозяйство, магазины и малые предприятия. Эта миграционная модель часто добавляла динамизма сельскому хозяйству и всегда была важна для стран Европы, а теперь и для Китая. Невозможно понять китайское сельское хозяйство, не изучая многообразные циклические миграции, которые связывают сельское хозяйство с городами

и промышленностью (Ploeg, Ye, 2010). Подобная циклическая модель иногда имеет и транснациональный характер.

В исторической перспективе мы наблюдаем непрерывный процесс «экстернализации» переработки и сбыта продуктов питания. Сегодня сельское хозяйство в основном ограничено производством и поставкой сырья, которое затем перерабатывается специализированными предприятиями пищевой промышленности, многие из которых ведут себя на глобальном рынке как империалисты (Bonnano et al., 1994). Торговля все в большей мере контролируется крупными торговыми компаниями и розничными сетями. Вместе с агропромышленностью, которая направляет сырьевые потоки в первичное производство, эти компании формируют сети (Vitali et al., 2011), все в большей степени выступающие как эксплуататоры. Взаимодействие первичных производителей и пищевой промышленности выходит далеко за рамки «простых» операций обмена товаров на деньги. Еще Чаянов отметил, что «торговый аппарат, озабоченный стандартным качеством товаров, начинает активно вмешиваться в организацию производства. Он устанавливает технические условия, определяет семена и удобрения, регулирует севооборот и превращает своих клиентов в технических исполнителей своих проектов и экономического плана» (Chayanov, 1966: 262). Позже Б. Бенвенути обнаружил, что товарные отношения переплетаются с технико-административными. Вместе эти два типа отношений создают институциональный контекст, который предписывает фермерам, что они должны делать, когда, как и в какой последовательности. Эта структура практически полностью исключает «свободу для». «Сельскохозяйственный предприниматель» — «призрак» (Benvenuti et al., 1983): вместо того чтобы наслаждаться широкими возможностями выбора в принятии предпринимательских решений, он связан сценарием, разработанным другими — пищевой промышленностью, торговыми компаниями, розничными сетями, поставщиками сырья, банками и государственными органами (Benvenuti, 1982; Benvenuti et al., 1988).

Баланс между государством и крестьянством виртуозно описан Дж. Скоттом: с одной стороны, первостепенное значение имеют «благие намерения государства» (Scott, 1998); с другой стороны, крестьяне преуспели в «искусстве неуправляемой жизни» (Scott, 2009). Равновесие, лежащее в основе данного баланса, часто кристаллизуется в конкретных мерах аграрной политики. Многие из них подверглись резкой критике радикальных левых: нередко они действительно идут вразрез с интересами крестьян (как правило, 80% субсидий Евросоюза получают богатейшие 20% фермеров, особенно «сельскохозяйственные предприниматели»). Однако аграрная политика всегда разрабатывалась (особенно в 1930-е годы), чтобы противостоять и устранять последствия глубоких и широкомасштабных кризисов. Это касается и Нового курса в США, и различных аграрных программ в Европе, которые позже были

объединены в Общей сельскохозяйственной политике Евросоюза. Существует постоянная (и острая) необходимость в аграрной политике, направленной на исправление фундаментального дисбаланса во взаимоотношениях сельского хозяйства, с одной стороны, и общества, требований экологии, интересов и ожиданий тех, кто непосредственно вовлечен в сельскохозяйственную деятельность, — с другой. Однако принятие мер, которые обеспечивают справедливость и равенство или, по крайней мере, не усугубляют существующую несправедливость и неравенство, проблематично, поскольку сельское хозяйство всегда характеризуется серьезными дисбалансами. Для Чаянова «демократизация распределения доходов» была одной из главных целей аграрной реформы. Однако на глобальном уровне существуют глубокие расколы, разделяющие Север и Юг, и они отчетливо видны на региональном и местном уровнях. В результате аграрная политика почти неизбежно оказывает дифференцированное воздействие: обогащает одних и не предоставляет достаточно помощи тем, кто в ней нуждается. Издержки и выгоды аграрной политики часто неравномерно распределены, и пока непонятно, как эта проблема может быть решена.

Сегодня во многих регионах мира прежде очевидный баланс между демографическим и аграрным ростом утратил однозначность (Netting, 1993: 272). Дисбаланс наиболее заметен и трагичен в Африке, где производство сельскохозяйственной продукции на душу населения неизменно сокращалось на протяжении 50 лет (Li et al., 2012). Прежде очевидная связь производства и потребления разрушилась не только на уровне национальных государств (спровоцировав требования продовольственного суверенитета), но и на микроуровне. Это разрушение породило трагическую ситуацию, охарактеризованную в перуанской поговорке *tierra sin brazos y brazos sin tierra* (земля без рабочих рук и руки без земли), — типичная ситуация для сельских домохозяйств, страдающих от нищеты и голода, когда земля вокруг них не возделывается: у крестьян нет средств, чтобы обрабатывать землю, и нет возможности перенастроить полностью искаженный баланс.

Производительность и механизмы интенсификации труда

История крестьянского земледелия — это история непрерывной интенсификации. На протяжении столетий фермеры то сознательно, то непреднамеренно внедряли мелкие, а иногда и масштабные изменения. Урожайность — не только технический показатель, она отражает сложные взаимодействия микро- и макроуровней, локального и глобального, т. е. показывает социальные отношения в той степени, в какой ими определяется. Урожаи — результат трудового процесса, поэтому они воплощают в себе продолжающуюся настройку множества балансов, особенно баланса автономии

и зависимости. Заброшенные поля могут привести к ужасающей нищете и голоду; высокие урожаи предвещают крестьянству благополучные времена и бóльшую свободу. Повышение урожайности также означает, что сельское хозяйство может удовлетворить растущий спрос на продукты питания и непродовольственные товары. На макроуровне урожайность влияет на национальный баланс импорта и экспорта и стратегический вопрос продовольственной безопасности.

Интенсификация — процесс, который приводит к повышению урожайности; «выращивание двух колосков там, где теперь растет один» (Chayanov, 1988: 115)[1]. Чаянов был уверен, что крестьянское хозяйство гарантирует высокую урожайность: «мелкое трудовое крестьянское хозяйство как хозяйственная организация технически мало уступает крупному капиталистическому земледельческому предприятию» (Chayanov, 1988: 117). Это объясняется тремя причинами: во-первых, крестьянское хозяйство проникает туда, куда не стремятся капиталистические предприятия, — обрабатывает заброшенные земли и превращает их в пашни и пастбища. Капиталистическим предприятиям невыгодно улучшать качество малоплодородных земель, а для крестьян это единственный способ получить доступ к земле. Во-вторых, крестьянские хозяйства демонстрируют более высокий уровень накопления капитала в расчете на единицу земли, используя больше семян, навоза и тягловой силы. В-третьих, кардинально различаются цели, лежащие в основе организации разных производств. Капиталистическое предприятие стремится максимизировать прибыль, т. е. разницу между валовой стоимостью продукции и расходами на ее производство (включая затраты на оплату труда). Основная цель крестьянского хозяйства — максимизировать валовую прибыль, или трудовой доход (разницу между валовой стоимостью продукции и затратами на сырье, но не на оплату труда). Разные цели определяют разные уровни интенсивности. Крестьяне производят улучшения, превращая пустующие земли в продуктивный ресурс, прилагая огромное количество труда и капитала и ориентируя производство на максимальный уровень интенсивности, но осуществляют все это в соответствующем политико-экономическом контексте.

Интенсификация обеспечивается двумя противоположными способами: посредством труда или с помощью технологий. Крестьянское хозяйство — типичный пример интенсификации за счет труда. Ее противоположность — технологически обусловленная интенсификация, когда рост урожайности является результатом применения новых технологий и связанных с ними ресурсов. Теоретически

1. Отсылка к фразе Дж. Свифта «Тот, кто сумел бы вырастить два колоса там, где рос прежде один, две былинки травы, где росла одна, заслужил бы благодарность всего человечества».

эти два способа не являются взаимоисключающими и могли бы заключить брачный союз, но на практике, в рамках существующих социально-экономических отношений они, как правило, исключают друг друга. Это не означает, что в интенсификации за счет труда не применяются технологии, а в технологически обусловленной интенсификации не прилагаются трудовые усилия. Тем не менее каждый способ предполагает разработку и применение кардинально различающихся методов.

Возможности основанной на труде интенсификации часто игнорировались или недооценивались в крестьяноведении и смежных дисциплинах. Одно из ключевых понятий аграрных наук — закон убывающего плодородия почвы. Он основан на маржиналистской логике, согласно которой чем больше ресурсов используется (например, труда в расчете на гектар), тем меньше дополнительная отдача, и в какой-то момент соотношение затрат и результатов может стать отрицательным. Применительно к крестьянскому хозяйству закон убывающего плодородия почвы превращается в структурную трансформацию, обратную процессу развития. И на первый взгляд аргументация выглядит убедительно: если высадить слишком много семян, растения вытеснят друг друга, слишком много удобрений отравят почву, а слишком частый полив утопит растения. Однако крестьяне отнюдь не идиоты, они воздерживаются от чрезмерного использования ресурсов и реорганизуют хозяйственные практики таким образом, чтобы интенсифицировать производство, не попав в ловушку снижающейся производительности.

Возможность увеличения доходности не исключает стагнации, регресса или даже инволюции. Но они не являются неотъемлемыми характеристиками крестьянского хозяйства, а стали считаться таковыми вследствие доминирования определенных политико-экономических моделей. Стагнация может объясняться разными причинами: неравными отношениями обмена, которые лишают крестьянство возможности переоценки баланса полезности и тяжелой работы, потому что вся полезность у них экспроприируется; отбором у крестьян воды; изоляцией крестьянских хозяйств в «бантустанах» (в Южной Африке) или в небольших рисоводческих «карманах» вдоль экспортно ориентированных плантаций (в Индонезии — Geertz, 1963). Регресс неизбежен, когда сельская бедность настолько высока, что единственным выходом для сыновей и дочерей становится бегство в города, чтобы зарабатывать переноской тяжестей или продажей своего тела. И тогда в деревнях не остается людей, чтобы раскидывать навоз по полям, заботиться о стаде или сохранять дамбы вокруг рисовых польдеров (в Сенегале, Гамбии и Гвинее-Бисау). Регрессивные тенденции характерны для патриархальных обществ, где матери убеждают дочерей «выходить замуж за кого хочешь, лишь бы не за крестьянина» (что произошло в ряде регионов Испании, которые сегодня обезлюдели и превратились практически в пустыню).

Все формы инволюции, стагнации и/или регресса — проявления аграрного вопроса. О нем вспоминают всякий раз, когда нарушается баланс между способом хозяйствования (организацией сельскохозяйственного сектора), с одной стороны, и обществом, требованиями экологии, интересами и перспективами тех, кто непосредственно вовлечен в сельскохозяйственную деятельность, — с другой. Аграрные реформы должны быть нацелены на «улучшение условий и способов приложения народного труда к земле, увеличивающего производительность этого труда», «демократическое перераспределение национального дохода» (Chayanov, 1988: 142) и исключение возможности «хотя бы одной незасеянной десятины или хотя бы одного разгромленного, уничтоженного стада» (Chayanov, 1988: 158). Любая аграрная реформа предполагает обобществление земли (Chayanov, 1988: 156), которое невозможно посредством некоего «просвещенного абсолютизма», а лишь «в результате привлечения местных и демократически избранных советов» (Chayanov, 1988: 164).

Существуют два основных дискурса, объясняющих взаимосвязь аграрной науки и аграрного развития. Сюжет о гегемонии гласит, что динамика сельского хозяйства (в частности, наращивание производительности) детерминирована притоком инноваций, которые разрабатываются наукой, а затем вводятся в практику. Этот дискурс серьезно умаляет роль крестьян или полностью отказывает им в праве играть какую-то роль. Показательные примеры можно обнаружить в исследованиях, которые стремились оценить соотношение пользы/затрат в сельском хозяйстве. Они обозначают любое повышение производительности как «выгоды» и соотносят с ними «издержки», связанные с проведением сельскохозяйственных изысканий и развитием технологий. Крестьяне в этой картине отсутствуют, а все результаты их усилий объясняются исключительно достижениями аграрных наук.

Второй тип дискурса диаметрально противоположен первому. Он менее проработан, более молод и не получил поддержку сельскохозяйственных университетов, агропромышленности, министерств сельского хозяйства и иных институций. Второй дискурс утверждает, что большинство новаций порождено хозяйственными практиками, и воспринимает конкретное хозяйство не как конечный пункт применения новых решений, а как их основной источник. Новые методы производства порождают новые представления, практики, инструменты труда и технологии. Некоторые из них оказываются в центре внимания исследовательских институтов, которые совершенствуют их и широко распространяют. Это может быть и вполне «дружественный» процесс (доработка новаций, чтобы их можно было применять в широких масштабах), и «враждебный» захват, отбор и присвоение нескольких новаций, которые переформатируются и патентуются, чтобы служить интересам отнюдь не тех, кто их изобрел, в то время как все

прочие изобретения, которые сложно присвоить, игнорируются или пресекаются.

Несмотря на негативный опыт и многообещающие альтернативы, аграрные науки работают в гордом одиночестве и продолжают играть центральную роль в производстве доминирующего дискурса (претендуя на львиную долю имеющихся ресурсов). Один из основных элементов этого дискурса — утверждение, что только наука и капитал смогут накормить мир к 2050 году. Еще три фактора оказывают поддержку дискурсу, который обеспечивает гегемонию аграрных наук: изобретение химических удобрений, механизация и создание высокоурожайных сортов. Все три оказались драйверами длительного действия для серьезных скачков производительности, чего, как широко признается, фермеры не смогли бы добиться самостоятельно. Все три фактора используются в качестве доказательства неимоверной мощи и потенциала аграрных наук.

Наука играет важную роль в развитии производительных сил (Bernstein, 2010) как в целом, так и в сельском хозяйстве, однако нельзя утверждать, что аграрные науки по определению вносят вклад в развитие производительных сил или же что только они могут его обеспечить. Добровольное и хорошо продуманное взаимодействие фермеров в поисках новаций и научных исследований может стать мощным фактором аграрного роста и развития. История демонстрирует тому немало примеров: предложенная Чаяновым версия общественной агрономии и нынешнее агроэкологическое движение лишь одни из них. Впрочем, институциональный характер аграрных исследований и теорий означает, что они являются составными элементами «имперской науки» (Scott, 1998). Наука претендует на то, чтобы предлагать решения, но становится имперской, когда сводит сельское хозяйство исключительно к полю применения научных законов и стремится стандартизировать, прогнозировать, квантифицировать, планировать и контролировать сельскохозяйственные практики. Тем самым наука прокладывает путь к тому, чтобы подчинить сельское хозяйство внешним инструкциям и предписаниям — так продовольственные империи порабощают его.

Могут ли крестьянские хозяйства накормить мир? Да, и могли бы уже сделать это, если бы мы сократили размер прибавочной стоимости, перекачиваемой сегодня в карманы продовольственных империй. Если бы империи умерили свои аппетиты или перестали присваивать прибавочную стоимость, производимую крестьянскими хозяйствами, то последние получили бы доступ к бóльшим по размерам и лучшим по качеству пахотным землям, их трудовой доход увеличился бы и позволил им накопить больше капитала, чтобы вкладывать в свой рост и развитие. Ответ на поставленный выше вопрос прозвучал бы еще убедительнее, если бы были устранены те перекосы в аграрном знании, которые не позволяют ему адекватно воспринимать крестьянство — так, как, например, предложил Чаянов в своей общественной агрономии.

ТЕОРИЯ

В Европейском союзе меньшинство фермеров (15–20%) следуют предпринимательской модели, основанной на максимальном расширении масштабов, технологической интенсификации и упрочении зависимости от пищевой промышленности, банков и торговых сетей. С одной стороны, это логично: сельские предприниматели встроены в эту систему за счет высокого уровня задолженности и использования ее ресурсов. Они как будто оказались в ловушке и видят перед собой один-единственный путь. С другой стороны, они платят высокую цену за то, что идут по нему, тогда как оплата их долгой, однообразной и иногда опасной работы низка, а в периоды кризисов приносит им одни убытки. Хотя трудопотребительский баланс здесь не полностью разрушен, добиться удовлетворительного равновесия крайне сложно. Новые проблемы возникают, когда сын и/или дочь (и их семьи) хотят получить свою долю в предприятии: им приходится участвовать в рискованных финансовых операциях, включая получение огромных займов. Иногда баланс обеспечивается иным способом — за счет найма низко оплачиваемых «черных» рабочих (из Польши, Индии, Марокко или стран Африки к югу от Сахары). Та же неопределенность относится и к балансу тяжелой работы и полезности, где особое равновесие достигается за счет переопределения полезности — она оказывается где-то в будущем: крупные фермеры полагают, что окажутся среди тех немногих, кто выживет, а ускоренный рост — самая надежная гарантия конкурентоспособности.

Однако большинство фермеров идут иной дорогой. Они калькулируют основные балансы новым образом и превращают все бóльшую часть европейского сельского хозяйства в крестьянское. Сталкиваясь с давлением, они переоценивают баланс между внутренними и внешними ресурсами: снижают зависимость от внешних ресурсов (включая кредитные средства) и оптимизируют использование доступных ресурсов. Это сокращает их финансовые и транзакционные издержки и повышает трудовой доход при том же уровне производства. Переоценка баланса внутренних и внешних ресурсов может занять некоторое время и оказать влияние на другие типы балансов. Например, сопроизводство может базироваться на живой природе, что упрощает включение в хозяйственные практики заботу о ландшафте, природе и биоразнообразии, что, в свою очередь, улучшает баланс между домохозяйством и его соседством, который сложно поддерживать предпринимателям.

Вторым ключевым элементом реокрестьянивания является диверсификация: появляются новые продукты и услуги, которые активно реализуются на вновь создаваемых замкнутых рынках. «Семейное хозяйство использует в меру сил все возможности своего природного и исторического положения, а также рыночной ситуа-

ции» (Chayanov, 1966: 120), чтобы повысить трудовой доход. Для этого в Европе существует множество возможностей: агротуризм, региональные деликатесы, органическое производство, прямые продажи, производство энергии, хранение воды, содержание лошадей, ландшафтный дизайн и др. В конце 1990-х годов эти новшества в Европейском союзе обеспечили дополнительный трудовой доход более чем в 8 млрд евро. Это позволило миллионам мелких и средних семейных ферм выжить (Ploeg, Long, Banks, 2002).

Новые формы реокрестьянивания принципиальным образом основываются на перенастройке баланса тяжелой работы и полезности. Так, создание многофункциональных хозяйств с относительно автономной ресурсной базой приводит к переопределению тяжелого труда. Работающие здесь фермеры говорят о «внешней занятости», «высоко диверсифицированных задачах», «независимости» и «работе с живой природой» как наиболее привлекательных аспектах своего труда. Для них он менее тягостен, чем для тех, кто идет по предпринимательскому пути, поскольку труд предпринимателей более однообразен, рискован и скучен. Помимо хорошего заработка, новые крестьяне радуются встречам с большим количеством людей (а фермеры-предприниматели обычно одиноки) и испытывают гордость от того, что «ведут хозяйство по-другому» (Oostindie et al., 2011). Все это становится важным компонентом полезности труда для нового европейского крестьянства и дает дополнительный стимул для дальнейших изменений, подкрепляя процесс возникновения нового, крестьянского, типа сельского хозяйства.

Таким образом, в сердце одной из самых современных сельскохозяйственных систем мира (западноевропейской) мы обнаруживаем механизмы, описанные Чаяновым почти столетие назад (разные балансы). И подобные механизмы сегодня не ограничиваются крестьянской семьей — общество в целом все активнее вовлекается в оценку балансов, что говорит о воздействии сельского хозяйства на прочие сферы общественной жизни. Возникают разные способы обеспечения равновесия балансов — крестьянский и предпринимательский. Одна группа балансов подкрепляет предпринимательский путь, который все больше расходится с нынешними социальными ожиданиями. Другая группа балансов помогает сформировать новые траектории реокрестьянивания, которые оказывают на общество совершенно иное воздействие. Мировое сельское хозяйство находится на перепутье, и понимание сути описанных выше стратегических балансов сегодня необходимо, чтобы осознать проблемы и предложить наиболее адекватные способы их решения.

Перевод с английского И.В. Троцук

Библиография

Bagnasco A. (1988) *La Costruzione Sociale del Mercato, studi sullo sviluppo di piccole imprese in Italia*. Bologna: Il Mulino.

Benvenuti B. (1982) De technologisch administratieve taakomgeving (TATE) van landbouwbedrijven. *Marquetalia*, no 5.

Benvenuti B., Bussi E., Satta M. (1983) *L'imprenditorialitá agricola: a la ricerca di un fantasma*. Bologna: ALPA.

Benvenuti B., Antonello S., de Roest C., Sauda E., van der Ploeg J.D. (1988) *Produttore agricolo e potere; modernizzazione delle relazioni sociali ed economiche e fattori determinanti dell'imprenditorialita agricola*. Rome: CNR/IPRA.

Bernstein H. (2010) Introduction: Some Questions Concerning the Productive Forces. *Journal of Peasant Studies*, vol.10, no 3.

Bonnano A., Busch L., Friedland W., Gouveia L., Mingione E. (1994) *From Columbus to Conagra: The Globalization of Agriculture and Food*. Lawrence: University Press of Kansas.

Chayanov A. (1988 [1917]) *L'economia di lavoro, scritti scelti, a cura di Fiorenzo Sperotto*. Milan: Franco Angeli/INSOR.

Chayanov A. (1966 [1925]) *The Theory of Peasant Economy* (Ed. by D. Thorner et al.). Manchester: Manchester University Press.

Chayanov A. (1924) *Die Sozial Agronomie, ihre Grundgedanken und ihre Arbeitsmetoden*. Berlin: Verlagsbuchhandlung Paul Parey.

Chayanov A.V., Kremnev I. (1976 [1920]) The Journey of My Brother Alexis to the Land of Peasant Utopia. *Journal of Peasant Studies*, no 4.

Davis M. (2006) *Planet of Slums*. L.: Verso.

Geertz C. (1963) *Agricultural Involution*. Berkeley, CA: University of California Press.

Hayami Y., Ruttan V. (1985) *Agricultural Development: An International Perspective*. Baltimore: Johns Hopkins.

Kautsky K. (1974 [1899]) *La cuestión agraria*. Buenos Aires: Siglo Veintiuno, Argentina Editores.

Kerblay B. (1966) A.V. Chayanov: Life, Career, Works. Chayanov A. *Theory of Peasant Economy*. Manchester: Manchester University Press.

Lacroix A. (1981) *Transformations du Proces de Travail Agricole, Incidences de l'Industrialisation sur les Conditions de Travail Paysannes*. Grenoble: INRA.

Li Xiaoyun, Qi Gubo, Tang Lixia, Zhao Lixia, Jin Leshan, Guo Zhanfeng, Wu Jin. (2012) *Agricultural Development in China and Africa: A Comparative Analysis*. L.: Routledge.

Lippit V.D. (1987) *The Economic Development of China*. Arkmont, NY: Sharpe.

Little D. (1989) *Understanding Peasant China: Case Studies in the Philosophy of Science.* New Haven, CT: Yale University Press.

Long N. (1984) *Family and Work in Rural Societies: Perspectives on Non-Wage Labour*. L.: Tavistock.

Netting R. (1993) *Smallholders, Householders: Farming Families and the Ecology of Intensive, Sustainable Agriculture*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Oostindie H. (2013) *Multifunctional Agricultural Pathways: Bundles of Resistance, Redesign and Resilience*. Wageningen: Wageningen University.

Paz R. (2006) El campesinado en el agro argentino: Repensando el debate teórico o un intento de reconceptualización? *Revista Europea de Estudios Latinoamericanos y del Caribe*, vol.81.

Ploeg J.D. van der, Long A., Banks J. (2002) *Living Countrysides: Rural Development Processes in Europe — The State of Art*. Doetinchem: Elsevier.

Ploeg J.D. van der, Ye Jingzhong. (2010) Multiple Job Holding in Rural Villages and the Chinese Road to Development. *Journal of Peasant Studies*, vol.37, no3.

Scott J.C. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven, CT: Yale University Press.

Scott J.C. (1998) *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven, CT: Yale University Press.
Thorner D. (1966) Chayanov's Concept of Peasant Economy. *Chayanov A. Theory of Peasant Economy*. Manchester: Manchester University Press.
Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. (2011) *The Network of Global Corporate Control*: arXiv:1107.5728v2 [q-fin.GN].

The role of Chayanovian ideas in the contemporary Peasant Studies, and in the art of farming

Jan Douwe van der Ploeg, Professor at the Wageningen University (the Netherlands) Droevendaalsesteeg 4, 6708 PB Wageningen and at the China Agricultural University in Beijing. E-mail: jandouwe.vanderploeg@wur.nl.

Irina Trotsuk, DSc (Sociology), Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru.

This article is an abridged version of the book by Jan Douwe van der Ploeg "Peasants and the Art of Farming. A Chayanovian Manifesto" — the second one in the series of "little books on big ideas" in the sphere of agrarian transformations established by Saturnino (Jun) Borras. The author identifies key features of the structure and dynamics of peasant agriculture, and its historically variable characteristics that determine labour, production and social processes and relationships. Van der Ploeg believes that peasant agriculture can play an important, if not central, role in augmenting food production and ensuring sustainable rural development. However, peasants today, as in the past, are materially neglected. Based on the ideas of Alexander Vasilyevich Chayanov, the author seeks to address this neglect and to show how important peasants are in the ongoing struggles for food, food sustainability and food sovereignty. The author examines two main balances identified by Chayanov — the labour-consumer balance and the balance of utility and drudgery, as well as a number of other interacting balances (between people and living nature, of production and reproduction, of internal and external resources, of scale and intensity, etc.), and emphasizes their social, economic and political importance in the past and present. The author also considers the position of peasant agriculture in the wider social context focusing on the town-country relations, state-peasantry relations, and on the balance of agrarian growth and demographic growth. At the end of the article, there is an overview of different models and mechanisms for increasing productivity and intensification, the choice of which is determined by the dominant discourse (i.e. by the state priorities reflected in agrarian programs and reforms, and by the position of agrarian sciences in designing the future of agriculture and assessing the role of peasantry), and a brief description of the current trends of repeasantization in Europe.

Keywords: peasantry; peasant farming; Chayanov; interacting balances; the state; agricultural sciences; the agrarian question; repeasantization; productivity (yeilds); intensification